

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Марксизм: утопия и наука

Игорь НАЛЕТОВ

Как быть с исходными принципами?

Развитие нашей философии в 30—80-е годы как будто соткано из парадоксов. Трудно оценить его вполне объективно и беспристрастно. Кто-то остался верен канонам непримиримой идейной борьбы с классовыми врагами. Другой полагает марксистскую философию неосуществленным идеалом мышления и практического действия, к которому необходимо вернуться в процессе «обновления социализма». Третий, пострадавший за свое инакомыслие, считает за благо полностью отрешиться от нее. И все это происходит на фоне весьма слабой заинтересованности «нефилософских» наук, в том числе экономических и политических дисциплин, в разработке вопросов методологии, в анализе собственных логико-философских оснований. Разочарование в традиционных диамате и истмате, по-видимому, надолго отбило охоту для серьезных занятий этими вопросами.

Глубоко заблуждается, однако, тот, кто полагает, что очередь до разработки фундаментальных философских проблем, до переоснащения логического и методологического инструментария еще не дошла. Пройдя немалый уже путь перестройки всей системы общественных отношений, пора решить: какими должны быть мировоззрение и методология, соответствующие новому политическому мышлению и поискам современных общественных наук? Что означает для философии ориентация общества на гуманизм, демократию, плюрализм мнений, приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми? Ведь только сейчас стала достаточно очевидной одна из величайших мистерий общественной и духовной жизни XX в.: философия, под знаменем которой строился социализм, не обнаружила в конечном счете ни диалектичности, ни научности, так широко рекламируемых ею. Многие наши беды — теперь уже не секрет — берут свое начало в субъективизме и догматичности марксизма-ленинизма.

Истоки тупиковой ситуации в духовно-мировоззренческой сфере, на мой взгляд, не только в силе тоталитарного режима и его деформирующем воздействии на общественно-политическую мысль. Они таятся и в исходных пунктах, и принципах теоретического осмысления общественного развития. Осознается это еще далеко не многими, особенно в отношении наиболее общих мировоззренческих и методологических вопросов. Попытки

Я л е т о в И. З. — доктор философских наук, заведующий сектором Института философии АН СССР.

обойти эти вопросы как недостаточно созревшие или слишком абстрактные создают двойственную ситуацию. С одной стороны, очевидный рост неудовлетворенности и даже возмущения диаматом и истматом, с другой — полная неясность относительно того, какой же должна быть новая философия. Тем временем вопросы, которые еще сравнительно недавно представлялись для нас немыслимыми по своей дерзости: достаточно ли последовательно материалистическое понимание истории? безупречна ли диалектика как метод познания и деятельности? — требуют уже каких-то конструктивных решений. Как освободить нашу философию от благоглупостей вульгарного материализма и догматической диалектики, которыми она нашпигована так, что это, по-видимому, стало уже ее сутью?

Оговорки или принципиальные дополнения?

Классики полагали: избежать крайностей «грубого» материализма можно, соединив его с диалектикой, дополнив принципами противоречивости, всесторонности рассмотрения, развития, детерминизма, историчности и т. д. Общеизвестны слова Ф. Энгельса: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто бы *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу»¹. Известно также, что это утверждение не было эпизодическим, а следовательно, случайным. Многочисленные письма Энгельса не оставляют на этот счет никаких сомнений. Напомню хотя бы письмо В. Боргиусу от 25 января 1894 г., где он писал: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной... а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, *в конечном счете* всегда прокладывающей себе путь»².

В. Ленин, настойчиво проводя линию на разграничение материализма и идеализма и отстаивая в пылу политических баталий принцип партийности философии, тем не менее указывал на относительность противопоставления материи и сознания, отмечая, что оно правомерно только в рамках основного гносеологического вопроса — об источнике нашего знания. Одно из многих его высказываний по этому поводу гласит: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока*: очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. NB. Различие идеального от материального тоже не безусловно, не *uberschwinglich*»³.

Нет смысла продолжать цитирование, тем более, что именно в этих исходных мировоззренческих и методологических вопросах попытки придать новое направление теоретической мысли не только не получили развитие в последующей истории марксизма, но были догматически выхолощены. Внимание наших философов сконцентрировалось почти исключительно на противопоставлении одного другому, на взаимоисключении (согласно принципу партийности) материализма и идеализма. Идеи же касательно взаимообусловленности материального и идеального так и зачахли, не выйдя из эмбрионального состояния.

Ответы на поставленные выше вопросы до сих пор выстраиваются из стандартного набора «диалектических дополнений» к материалистическому

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 175.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 29, с. 104.

пониманию действительности. Относительная самостоятельность общественного сознания по отношению к бытию, способность теории «отрываться» от эмпирического опыта, активность сознания по отношению к материи—все это трактуется не более, как их способность влиять на *форму* или *интенсивность* объективного процесса. А замечание о первичности материального лишь *в конечном счете* представляется излишней тонкостью, «диалектическим зигзагом» мысли.

«Общественное сознание не только включено в общественную жизнь,— говорится в одном из сравнительно недавно выпущенных солидных изданий,— но выступает также в роли активной силы, непосредственно побуждающей людей к деятельности и оказывающей тем самым обратное влияние на общественное бытие. Однако в этом взаимодействии важная особенность состоит в том, что во все периоды человеческой истории, в каждой общественно-экономической формации воспроизводится в конечном счете такое соотношение, при котором общественное бытие является первичной, а общественное сознание — идеальной, производной стороной совокупной человеческой деятельности»⁴. Словом, «всесторонность рассмотрения», «конкретность анализа» и другие принципы, требуемые диалектическим методом, сводятся, по существу, лишь к аранжировке материалистического понимания истории, когда активность сознания и его относительная самостоятельность выступают лишь некоторым «довеском» к главному, первичному фактору.

Утверждение же «в конечном счете» либо попросту упускалось из рассмотрения как не имеющее серьезного значения, либо трактовалось так, что «заключительный акт» исторической драмы переносился на неопределенный срок в будущее, до «решающего действия», что, по существу, означало превращение этого положения в некое словесное прикрыtie. А. Уледов, например, пишет: «Хотя вне рамок решения основного вопроса философии абсолютная противоположность между общественным бытием и общественным сознанием снимается, они не утрачивают своих существенных различий»⁵. Однако эти самые *существенные* различия, как явствует из изложения, так или иначе возвращают нас к вопросу о первичности материи, если не ставить вопрос о реальном и равноправном взаимодействии материальных и духовных факторов в обществе.

Ясно ведь, что такого рода трактовки отношения бытия к сознанию, духа к природе по сути ничего не меняют; оставляя неприкосновенной истину о первичности материи и т. д., они лишь догматизируют и увековечивают ее однобокость.

Развитие нашей философии в сталинский и застойный периоды показало, что эти дополнения и уточнения вовсе недостаточны для того, чтобы избежать «глупого» материализма. Всегда находился удобный повод «заземлить» относительную самостоятельность, «загнать в угол» активность сознания. Позиция наших философов, таким образом, не столько использовала, сколько закрывала возможности развития исходных диалектико-материалистических представлений. Стереотипы мышления до сих пор мешают осознанию того, что «в конечном счете» воспринимающееся на первый взгляд как оговорка имеет принципиальное значение для теории.

Замечу прежде всего: сказать о справедливости материалистического взгляда на историю лишь в конечном счете или об относительности противопоставления материи и сознания — означает признать не только возможность исключения из общего материалистического «правила», но и сделать правилом возможность исключения из главного положения философского материализма.

⁴ Марксистско-ленинская теория исторического процесса М., 1981, с 402

⁵ Там же, с. 402.

И Энгельс, и Ленин высказывались по этим вопросам в самой общей форме, считая обнаруживающийся в тех или иных случаях приоритет духовного над материальным лишь отдельным, более или менее случайным отклонением от генерального направления исторического процесса. Объяснение этому я вижу в непоследовательности, с одной стороны, проведения принципа единства противоположностей (очевидное наследие гегелевского варианта понимания противоречий и способа их разрешения), а с другой — в позиции «воинствующего материализма», подталкивающего к чрезмерному противопоставлению материалистических и идеалистических воззрений, которое не вытекает ни из гносеологии, ни из диалектической логики, а продиктовано лишь специфическими условиями обострения политической борьбы в те или иные периоды истории и очевидным перенесением критериев и оценок этой борьбы в сферу философской мысли.

Рассматривая, например, вопрос о развитии западноевропейской философии и литературы, Энгельс отмечал: «Преобладание экономического развития в конечном счете также над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью...»⁶. Он вполне сознавал, что своеобразие духовной жизни различных эпох невозможно прямо и непосредственно вывести из соответствующего уровня материального производства. Его рост сам по себе еще не ведет к адекватному духовному прогрессу. Экономический прогресс может способствовать развитию личности, а может сопровождаться и ее деградацией. Эпоха Возрождения, как известно, дала более высокие образцы духовного творчества по сравнению с отдельными периодами более позднего капиталистического развития.

Однако мы не встречаем у Энгельса признания того, что духовная сторона жизни общества может быть преобладающей, определяющей, что ее позволительно считать первичной в отношении к тому или иному конкретно-историческому модусу бытия. Хотя в письмах к К. Шмидту, например, мы видим понимание политики и права — на этапе зрелого капиталистического общества — как явно доминирующих над всеми другими формами надстройки и как самодовлеющую порой силу общественного развития, даже когда они остаются лишь тенью (опережающей или отстающей), отбрасываемой экономическими гигантами.

Но пора уже признать: исторический опыт настойчиво показывает, что в процессах взаимодействия бытия и сознания, базиса и надстройки выявляется не только относительная самостоятельность, но и в определенном отношении первенство духовного над материальным, реализуются возможности надстроечных структур играть главенствующую роль в развитии общества.

Ведь это очень странно, даже не вполне диалектично рассматривать, скажем, экономические причины возникновения христианства и игнорировать его доминирующую роль, «первичность» в средневековом обществе; убеждать в объективной обусловленности Просвещения как духовного феномена уровнем материального базиса и затушевывать то обстоятельство, что оно само создало духовные предпосылки становления капиталистического строя.

«Слабая» форма, в которую в XIX в. облекался классиками марксизма тезис об активности сознания по отношению к бытию и материи, дихотомия материального и идеального вполне объяснимы, если учесть, что это была стадия формирования и утверждения их теории в окружении альтернативных, как теперь говорят, более того — враждебных идейных течений. К тому же это была первая в истории попытка объективного анализа общественных явлений при неразвитой еще теории вероятностей,

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 420.

невывявленных возможностях статистического анализа социальных процессов.

Новая, более прогрессивная — диалектико-материалистическая — система взглядов на природу и общество в первом приближении представлялась полной противоположностью, антиподом по отношению ко всей предшествующей философской мысли. Казалось, она навсегда «снямала» их в своем содержании, окончательно сводя счеты с идеализмом и «метафизикой». Поэтому идеалистический взгляд на историю и тем более на природу представлялся устаревшим, совершенно ошибочным, а всякая попытка возрождения его — сознательным и злонамеренным происком классового врага.

Как говорится, по-человечески это понять можно. Стремление классиков утвердить материализм как философское мировоззрение, акцентировать внимание на главном, оставляя в то же время открытыми возможности критического пересмотра, ревизии выдвинутых ими положений, их проверки опытом и т. д., объяснимо. Подобную стадию проходит любая научная теория в своем становлении, завоевывая признание и авторитет. Само собой разумеется также и то, что дальнейшее развитие теории должно было бы поставить в повестку дня вопрос о необходимости ее критического анализа соответственно новому историческому опыту и данным науки. Но ни Бернштейну, ни Каутскому, ни Плеханову, ни Ленину, ни эмпириокритикам эта теоретическая задача не оказалась, видимо, по силам. История еще не накопила своей «критической массы» для ревизии самих основ марксизма. Но именно тогда, когда это должно было случиться — после победы революции в России, — увы, такая ревизия оказалась невозможной ни практически, ни теоретически.

Предупреждения о неправомерности абсолютизации теории не стали предметом серьезного внимания, углубленной теоретической и методологической работы советских философов. Мысль потекла по линии простого механического восприятия и применения готовых материалистических схем путем их наложения на реальные исторические процессы — без критической оценки как теории, так и практики. Состояние самоуспокоенности в отношении «абсолютной истинности» исходных положений марксизма — ведь синица-истина в наших руках! — ввергало отечественную философию в состояние глубокого летаргического сна. Положение о первичности материи по отношению к сознанию, об определяющей роли базиса по отношению к надстройке и другие постулаты и принципы приобрели в трудах философов и социологов статус самодостаточных истин, дающих отмычки ко всем тайнам бытия и познания.

Антиподы или близнецы?

Нужно прежде всего отметить: общее (историческое или социологическое) решение вопроса о соотношении материи и сознания отнюдь не предопределяет единственно возможный ответ на него в каждом отдельном случае, тем более в будущем.

В каждом отдельном случае (при наличии общей или даже «всеобщей» — по Марксу — ориентации) требуется специальное решение вопроса об объективности того или иного исторического фактора, первичности базисных или надстроечных структур. Необходимо всякий раз конкретное, а не абстрактное решение этого вопроса. Если даже правота материализма может быть выявлена только в конечном счете, следовательно, лишь в сугубо мировоззренческом, а не в методологическом плане, то совершенно ясно, что в каждом частном случае правомерность материалистического подхода к любому вопросу остается более или менее проблематичной. Тем самым ставится под сомнение и правильность материалистического взгляда на историю вообще. Ведь даже если он решен на базе прошлого

опыта, нельзя сказать, что он решен окончательно и бесповоротно. Его рассмотрение в каждом отдельном случае зависит от массы вопросов частного порядка, от непрерывно накапливающегося научного материала.

Постановка вопросов об отношении материи к сознанию, взаимосвязи объективного и субъективного дает лишь общую ориентацию любому исследованию. Сам Маркс писал по этому поводу: «Чтобы исследовать связь между духовным и материальным производством, прежде всего необходимо рассматривать само это материальное производство не как всеобщую категорию, а в *определенной исторической форме*... Если само материальное производство не брать в его *специфической исторической форме*, то невозможно понять характерные особенности соответствующего ему духовного производства и взаимодействия обоих. Дальше пошлостей тогда не уйдешь»⁷. Значит (если ставить вопрос таким образом) в конкретном научном исследовании требуется пройти немалый путь, чтобы приблизиться к определенному ответу. Невозможно «одноразовое», т. е., по существу, априорное, решение вопроса, относящееся ко всей сумме фактов истории, даже если эта история рассматривается в каком-то одном измерении. Более того, возникают сомнения: может ли быть какой-то окончательный на него ответ, некий «*experimentum crucis*».

Необходимо отдавать себе отчет в том, что история и научное познание, как правило, очень нескоро выносят свое резюме по этой части. Понадобилось, например, около 60 лет на то, чтобы разобраться в соотношении объективных и субъективных факторов социалистической революции в России, вынести приговор как субъективизму, так и вульгарному материализму.

Конечно, если рассуждать в общем плане, вероятностный характер законов истории следует уже из того факта, установленного Марксом, что в обществе в отличие от природы действуют люди, одаренные сознанием, поступающие сознательно и целенаправленно, и что результаты их мотивированной одухотворенной деятельности в конечном счете оказываются независимыми от них, сталкиваясь и пересекаясь, противореча один другому. Таковы же по сути законы социализированной природы, вовлеченной в историческое действие, а также законы познания. Объективные факторы общественной жизни и процесса познания задают лишь крупные «вехи», определяют некие главные направления, тенденции развития. В «промежутках» же между ними царствует случайность, действуют иные, чем на общесоциологическом уровне, факторы, мотивы и цели, определяющие конкретную форму и содержание социальных движений.

Если то или иное событие как результат исторического процесса объясняется в целом материальными факторами, объективной необходимостью, то это вовсе не означает, что оно непосредственно вызвано причинами этого же ряда. Хотя история, может быть, и доказывает в конечном счете правильность материалистического воззрения, сама она достаточно «изобретательна», чтобы не позволить кому бы то ни было успокоиться на общем решении, и подсовывает одну каверзу за другой. Определяющими в каждом конкретном случае могут быть как объективный, материальный, так и субъективный, духовный факторы. Возможно и их «равнодействие». Так, базисно-экономические факторы лишь в *конечном счете* были объективными причинами второй мировой войны. Но ведь непосредственной ее причиной был все же приход к власти фашистов, что повлекло за собой далеко идущие политические, идеологические, нравственные, культурные и другие последствия. Закрепившись в экономике, они более чем на десяток лет стали локомотивом хода истории. В свою очередь, крах третьего рейха исторически был все же предрешен самой фашистской идеологией, ее откровенной человеконенавистнической сущью. История движется, таким образом,

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 279.

явно припадая на одну ногу, обутую в тяжелый рабочий ботинок, но все же движется при этом поступательно. Множество политических, юридических, культурных, нравственных и прочих факторов корректирует ее хромоту.

Это соотносительное влияние объективных и субъективных факторов — пульса научной мысли, ритма стихотворной строки и рокоота промышленных предприятий — в их взаимодействии и взаимном сцеплении давно должно бы стать предметом конкретного философского и социологического анализа, который надлежало распространить на все сферы общественной жизни — от материального производства до закономерностей и тенденций развития культуры. Этому препятствует традиционно-диалектический (оказавшийся на поверку жесткодeterminистским) стиль мышления, который постоянно воспроизводит вульгаризмы о том, что законы общества столь же однозначны, как, скажем, всемирное тяготение или законы классической механики. Именно «слабая» форма тезиса об активности общественного сознания и надстройки по отношению к бытию, базису вела к формированию версии «сильного» (вульгарного, «грубого») материализма, когда целым рядом «посредствующих» логических звеньев сводилась на нет роль человеческого фактора в обществе.

Истина в конечном счете вытекает из вероятностного истолкования исторического процесса. Она не может быть абсолютной и однозначной ввиду природы самих социальных процессов. «Умный материализм» не должен узурпировать истину, превращая ее в непререкаемую догму. Истина *в конечном счете* — вовсе не тождественна истине *в последней инстанции*, скорее, это ее антипод.

Отсюда следует еще один важный гносеологический вывод: «умному» материализму недостаточно всесторонности рассмотрения, конкретности, детерминизма и прочих диалектических «довесков». И материализм, и диалектика, проведенные достаточно последовательно, предполагают проблематичность, гипотетичность собственных же позиций, возможность и необходимость ревизии самих фундаментальных положений материализма и диалектики. Такого уровня критичности наша философская наука, увы, не смогла пока достичь.

Итак, материализм в своих разумных формах не отнимает ни у кого права быть хоть чуть-чуть идеалистами. Разве каждый из нас, уверовав в марксизм, был в обычной, повседневной жизни материалистом? Скорее, все же идеалистом! Вопрос еще — избежал ли этой участи сам Маркс!

Плохо или хорошо, что какая-то, видимо, левая половина нашего мозга мыслит идеалистически? Многолетние традиции сталинизма научили нас подавлять ее коварную деятельность с помощью непомерно гипертрофированной второй, показавшейся нам «лучшей» ее части. Они воспитали нас в духе самого воинствующего в истории материализма. Вот почему мы пока еще нередко в глубокой тайне, только наедине с собой можем порадоваться обретенному благодаря гласности праву быть иногда идеалистами, не рискуя получить обвинения в соскальзывании на позиции буржуазного мирозерцания и прислужничества перед Западом.

«Умный» материализм не исключает возможности решения основного гносеологического вопроса, так сказать, в пользу идеализма в определенных случаях. Отсюда следует признание неизбежности взаимодополнения этих позиций, их паритетности в сфере познания независимо от тех или иных идеологических, политических или каких-либо иных установок.

Но что мешало до сих пор этому, казалось бы, естественному расположению ума? Что не давало видеть идеализм как повседневную неотступную тень наших мыслей и деятельности? Едва ли случайность или «сплошное недоразумение». Слишком упорным было умалчивание их родства и утрированным их противопоставление. Совершенно очевидно, что действовала идеологическая установка, заложенная уже в самый начальный период

подготовки первых советских учебников по философии, после которых иная расстановка акцентов оказалась уже невозможной. Позднее установка приобрела роль политического, партийно-обязательного положения, так что нарушение ее стало не только теоретически немислимым, но и уголовно наказуемым деянием.

Интеллигенция в тисках философских догматов

Нет возможности в одной статье проследить все результаты не критического следования односторонним материалистическим и диалектическим штампам в ходе социального эксперимента по созданию нового общественного строя в нашей стране. Но нельзя не сказать о самых драматических— общем принижении роли творческого, духовного начала в жизни общества, что трагически сказалось на судьбах советской интеллигенции.

Едва родившись из «спецов», оставленных от царского режима, лояльных по отношению к победившей революции, новая советская интеллигенция уже в 20-е годы испытала на себе жестокость действия догматизированных марксистских схем. В 30-е годы ее положение резко изменилось к худшему. Она стала едва ли не основным источником пополнения бесплатной трудовой армии, убеждаясь таким образом в первичности материального начала и бессилии даже самого высокого полета духа непосредственно на собственном примере и опыте. На «прочной научной основе» исторического материализма среди широких слоев доверчивой народной массы целенаправленно и не без успеха формировались настроения подозрительности, враждебности по отношению к интеллигенции как якобы постоянно колеблющейся между пролетариатом и мировой буржуазией, трусливой и двуличной (к тому же ничего не производящей и потому иждивенческой) прослойке.

Немало воды утекло с тех времен, пока теоретики «развитого социализма», достойные дети сталинской школы, не нашли возможным подыскать для интеллигенции более приличное место в своих социально-классовых систематиках. Только сравнительно недавно, подталкиваемые научно-технической революцией, с одной стороны, и по-видимому, растущим самосознанием — с другой, они соизволили назвать ее «большой социальной группой», хотя в весьма неопределенном смысле.

Долго размышляли наши обществоведы, не располагая соответствующими указаниями классиков, но имея явно выраженный «социальный заказ», над тем, куда девать интеллигенцию в ту пору, когда лагерные методы «воспитательной работы» и «академических изысканий» по поводу ее судьбы оказались уже не применимыми столь же интенсивно и в тех же масштабах. За это время интеллигенция — вопреки историческому материализму— успела превратиться в решающую силу не только культурного и нравственного, но и научно-технического прогресса, выступив творцом принципиально новых средств производства, новой техники и технологии.

Многие социологи на Западе расценивали эти явления как рождение нового класса общества. Все более становилось очевидным, сколь мощной социальной и революционизирующей силой обладают новые научные и технические идеи независимо от того, как и когда они находят свое практическое применение.

Мимо этих сдвигов не могла пройти и наша социологическая литература. Советскому интеллигенту во втором колене, дожившему до 60—70-х годов, ею была уготована более милостивая, чем в 30-е и 40-е, судьба: безболезненно раствориться в потоке научно-технической революции, вызванной к жизни суммарным человеческим интеллектом. Но каким образом? С одной стороны, в процессе «сближения» с рабочим классом и «ликвидации» существенных различий между физическим и умственным трудом, с

другой — в процессе интеллектуализации труда в колхозной деревне (ведь, если верить статистике 70-х годов, доля умственного труда на скудеющей колхозной ниве составляла почти 20%!).

Даже автоматизация производства, кибернетизация и компьютеризация — очевидное дитя творчества интеллигенции — рассматривались не более чем повод лишний раз принизить ее, оценить ее творческий потенциал меркой «средней рабочей силы» и «необходимого рабочего времени».

Умышленно или нет, но наша интеллигенция до сих пор нигде не фигурирует как единая, становящаяся все более сплоченной социальной группой (или классом), имеющая собственное общественное лицо и особое предназначение — создание духовных ценностей, ничуть не менее важных для человечества, чем материальные. Разделенная волею социологов на «физиков» и «лириков», технарей, гуманитариев, обществоведов, естественников, сельскую и городскую, интеллигенция выступает так или иначе придатком «главной производительной силы».

Интеллигенции, по самому роду своих занятий ставящей духовные ценности выше материальных, в качестве гонимой за роль «неглавной» производительной силы общества полагалось такое поистине символическое вознаграждение, которое давало ей возможность всегда чувствовать себя выше «меркантильных интересов», всегда земного и тленного. Ей, мечущейся между наковальной машинного производства, демонстрировавшего превосходство материальных факторов общественной жизни, и гигантским идеологическим прессом, также убеждающим в верховенстве этих факторов, похоже ничего не оставалось кроме того, чтобы еще и еще раз доказывать правильность материалистического понимания истории — быть непосредственно включенной либо и создание материальных ценностей, либо в идеологическую и пропагандистскую работу в качестве «инженеров человеческих душ», «бойцов идеологического фронта», работников сферы «духовного производства».

Что может быть более унижительным, чем доказывать и оправдывать необходимость собственного существования в обществе?! Однако что было — то было. Вот так некий интеллигент во втором колене, закончив философский факультет МГУ и оказавшись спустя несколько лет у врат Великого Чертога Власти, распорядился судьбой интеллигенции. «Умственный труд,— написал он в одном из капитальных трудов периода «развитого социализма»,— все в больших объемах становится производительным. А это ведет к тому, что, не отличаясь от рабочего класса своим отношением к средствам производства, определенная часть инженерно-технической интеллигенции, прямо участвующая в технологическом процессе и, следовательно, производящая материальные ценности, по сути сращивается с другими категориями производственного персонала промышленности, среди которых, естественно, определяющее место занимают фабрично-заводские рабочие. В сущности, речь идет здесь о решении поставленной партией еще в начале 30-х годов задачи: создании рабочим классом своей собственной производственно-технической интеллигенции — производственно-технической интеллигенции рабочего класса»⁸.

Восприняв эту задачу (хотя очевидно, что ее осуществление началось процессами над Промпартией, и даже еще раньше — выдворением за рубеж в 1921—1922-х годах плеяды «звезд» русской интеллигенции), авторы данного труда и в самом деле предприняли все теоретически возможное, чтобы доказать исчезновение «прослойки» как самостоятельной социальной силы. Научно-техническая революция рассматривалась не иначе, как объективная предпосылка преодоления в будущем существенных различий между физическим и умственным трудом и достижения социально-однород-

⁸ «Развитой социализм: проблемы теории и практики». М., 1979, с. 200—201.

ного общества, в результате которого интеллигенция обязана была исчезнуть, так и не приобретя собственного социального лица.

Однако в то время как теоретики «точно по Марксу» предрекали безрадостное будущее интеллигенции, она постепенно все больше заявляла о себе как о главной силе сопротивления «тотальному усреднению», демонстрируя высокую значимость индивидуальности творца, непреходящую ценность достижений духовной культуры. Пастернак и Платонов, Солженицын и Сахаров, пренебрежимо малые для социологии 60—70-х годов персонажи, показали, что творческое перо и одного подлинного интеллигента вполне сравнимо по степени социального воздействия с мощью иной политической партии.

Наша социология, сосредоточившаяся на фигуре «главного творца» материальных ценностей, не учла даже того, что материально-техническая база ближайшего будущего, новые перспективные формы производственных отношений закладываются не только в «производственно-инструментальном пространстве», но и в лабораториях ученых, разрабатывающих фундаментальные идеи и проекты. И, конечно, как кошунство воспринимает идеологизированное сознание указания на факты, что окружающий нас материальный мир все в большей степени становится производным от идей и проектов, созревающих сперва в голове человека. Существующие социальные отношения, разумеется, объективны, но и они все в большей мере представляют собой не что иное, как более или менее удачную материализацию более или менее плодотворных теоретических концепций.

Если наша история и свидетельствует в пользу материалистического ее понимания, то, во-первых, как доказательство «от противного»: она убедительно показала, как опасно недооценивать объективные факторы исторического развития, давать волю субъективизму, доктринам, превратившимся в самоцель, «народным героям», становящимся тиранами или их сатрапами. Во-вторых, она показала и обратную сторону исторического процесса — драматические последствия абсолютизации материалистического начала, недооценки роли духовного фактора в общественной жизни.

Приходится глубоко сожалеть, что наши философы не восприняли всерьез точное замечание об «умном идеализме», который «ближе к умному материализму, чем глупый материализм». Победил воинствующий, вульгарный, грубый диалектический материализм, порождающий не менее вульгарную, субъективистскую практику. Путь к субъективизму, утопическим формам мышления бывает устлан зачастую именно вульгарным материализмом. И все же остается невыясненным вопрос: какова разница между умным материализмом и умным идеализмом? Не является ли главным в философии, как и в жизни, водораздел между умом и глупостью?..